

Миры между

ПЕРВОЕ УТРО

ВАСИЛЬ ПИКСЕЛЬ

КНИГА 1

Василь Пиксель
Миры между.
Первое утро. Книга 1
Серия «Миры между», книга 1

*<https://litres.ru/74501198>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В 07:45 город останавливается.

Часы не переходят на следующую минуту. Люди замирают посреди движений, вода остаётся в воздухе, птицы не заканчивают взмах крыла. Двигаться продолжают только Сайа и Кассиан.

Они выходят из дома, чтобы понять, насколько далеко простирается невозможное и остался ли где-нибудь ещё человек, способный им ответить. Но знакомый город постепенно перестаёт быть местом, правила которого они знают.

«Первое утро» начало цикла «Миры между». Истории о времени, близости и дороге, которую невозможно проложить заранее.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Время, которое остановилось	7
Глава 2. Граница времени	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василь Пиксель

Миры между.

Первое утро. Книга 1

Василь Пиксель

«Миры между»

Книга 1. «Первое утро»

Пролог

По утрам свет добирался до стены раньше, чем Сайа открывала глаза. Сквозь неплотно сдвинутые шторы он ложился рядом с книжной полкой и понемногу поднимался к её нижнему краю. В особенно ясные дни на стене дрожали тени ветвей. Иногда Сайа замечала их ещё сквозь сон, а потом во дворе хлопала автомобильная дверь, наверху включали воду, и пора было вставать.

Комната не сразу становилась дневной. Некоторое время в ней ещё оставались ночная прохлада и вещи в случайных положениях: брошенная на кресло одежда, сдвинутая подушка, раскрытая книга, которую не хватило сил дочитать. Сайа могла лежать и смотреть, как свет медленно подходит к незнакомой изнанке знакомого предмета. Кромка столешницы вдруг делалась почти прозрачной, на светлом корешке проступали буквы, совсем незаметные вечером. Потом надо было сесть, найти ногами пол, отыскать телефон под краем простыни. К этому времени рисунок на стене уже успевал измениться.

За окном начинался двор. Первая машина проезжала через неровность у выезда, вскоре за ней другая; у кого-нибудь не с первого раза запиралась дверь, и человек возвращался проверить замок. Эти звуки редко будили, зато без них трудно было понять, насколько поздно. Бывали утра, когда Сайе

хотелось, чтобы все ещё немного подождали. Пусть стихнет дорога, пусть не стучат каблуки на лестнице, пусть можно будет задержаться в постели, не отдавая себе отчёта, чего эта задержка потом потребует. Обычно хватало нескольких минут, и желание проходило. Из-за стены доносился чей-нибудь кашель, одеяло становилось жарким, хотелось воды.

Вещи успевали измениться, пока на них никто не смотрел. Остывала оставленная чашка, распрямлялся загнутый угол страницы, пятно солнца покидало подушку. Даже в пустой комнате что-нибудь продолжалось. Можно было выйти и вернуться, уснуть, забыться над книгой; к возвращению мир уже оказывался чуть дальше.

В то утро чашка стояла на столе с вечера. Книга лежала у дивана, и один приподнятый лист удерживал на себе полоску света. На соседней стене темнел прямоугольник окна, пересечённый тонкой тенью ветки. За стеклом птица повернула голову к земле, расправив крылья над дорогой. Сайа ещё спала и не видела её.

На часах было 07:45.

Глава 1. Время, которое остановилось

Сайа проснулась и некоторое время лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к собственному дыханию. Под затылком согрелась подушка, край простыни собрался у колена, открытое плечо зябло. Ей ещё хотелось спать. Можно было перевернуться, натянуть простыню и ненадолго вернуться в ту приятную тяжесть, из которой она только что выбралась, но дыхание почему-то мешало: слишком отчётливо слышался каждый вдох. Сайа задержала его.

Дом молчал. Обычно сквозь сон до неё доходили вода в трубах, гул дороги, чей-нибудь ранний уход – шаги, замок, осторожно придержанная дверь, всё равно ударившая о косяк. Даже в редкие тихие минуты на кухне что-нибудь щёлкало или начинал работать холодильник. Сейчас она слышала, как трётся о наволочку её щека. Больше ничего.

Она открыла глаза. Сквозь щель между шторами на стену падал длинный прямоугольник света. По нему можно было понять, что утро уже началось; цвет был тот самый, тёплый, чуть золотистый, который ей нравился в этой комнате. Сайа смотрела на освещённую стену, ожидая движения тени от ветки за окном, и постепенно замечала другие мелочи. В светлой полосе висело несколько пылинок. Один край

был ровным, другой прерывался тёмным зубцом. Ни зубец, ни пылинки не меняли положения. Свет просто лежал, как краска.

Сайа повернулась на спину. Комната вмещала два разных утра: возле окна свет уже делал видимыми царапины на полу, а в углу между диваном и книжной полкой ещё держалась серая глубина. Там могло казаться, что можно спать сколько угодно. На спинке кресла осталась одежда, на столе – вчерашняя чашка. Возле дивана раскрылась упавшая книга; приподнятый лист держался над остальными, будто кто-то только что перевернул страницу. Кассиан спал лицом к стене, подложив руку под голову. Одеяло сползло и почти касалось пола. Сайа подумала, что ему, наверное, холодно, и уже собиралась сказать об этом, когда увидела часы.

07:45.

Телефон нашёлся у края постели, под загнувшейся простыней. На экране было то же время. В этом пока не находилось ничего странного, и Сайе стало неловко от собственного облегчения: чего она ожидала? Что телефон покажет другой час? Она полистала экраны, погасила телефон и снова посмотрела на часы. Красные цифры не сменились. Минуты по утрам всегда проходили слишком быстро; теперь одна из них тянулась с такой настойчивостью, что хотелось отвернуться и застать следующую врасплох.

Сайа села, опустила ноги на пол. От движения голова на мгновение отяжелела, ладонь пришлось оставить на матрасе.

Это было привычно, почти утешительно. Она не сразу встала, вслушиваясь в дом уже сидя, с открытыми глазами, будто тишина могла оказаться частью сна, которую достаточно переждать. За дверью комнаты виднелась узкая полоска прихожей. У зеркала лежали ботинки, один повернут подошвой к стене. Ночью она обошла бы их по памяти, не зажигая света; сейчас ей пришлось долго смотреть в тот же знакомый проход, прежде чем решить, что и оттуда ничего не доносится.

– Кассиан, проснись.

Он пошевелился, глубже спрятал лицо в сгиб локтя. Сайа позвала ещё раз, уже громче. Её неожиданно рассердила его возможность продолжать спать, пока она сидела здесь с телефоном и пыталась понять, сколько времени может длиться минута.

– Посмотри, который час. Только потом подожди немного.

Кассиан повернул голову. На щеке отпечаталась складка наволочки; он смотрел на Сайу одним глазом, второй ещё щурился. В полусне его лицо казалось мягче. Челюсть чуть отвисла, но одна тёмная бровь уже поднялась в недоумении. Сайа почти пожалела, что разбудила его. Он нащупал телефон возле дивана, зажёл экран и сонно произнёс:

– Семь сорок пять. Мне ждать чего-то определённого?

– Семь сорок шесть.

Он взглянул на неё внимательнее и сел. Короткие тёмно-каштановые волосы на затылке примялись, зато надо

лбом поднялись неровной волной. Кассиан пригладил их всей ладонью; стоило убрать руку, и одна прядь снова встала торчком. В другое утро Сайа непременно сказала бы ему об этом. Сейчас он тёр глаза и хмурился, возвращаясь из сна с видимым неудовольствием. Из-под густых бровей уже смотрел внимательно, ожидая объяснений. Она протянула свой телефон.

Кассиан положил оба телефона рядом на одеяло. Сайа начала считать про себя, сбилась после двадцати и вернулась к единице. От этой ошибки стало ещё тревожнее: даже самую простую проверку ей не удавалось довести до конца. Кассиан тем временем открывал приложения. Страница, которую он читал раньше, появилась сразу, но после попытки обновить её сверху закрутился маленький значок и так и остался крутиться. Он подождал, потянул страницу вниз ещё раз, словно первое движение вышло недостаточно убедительным.

– Может, у них что-нибудь со временем в сети, – сказал он. – Хотя часы на стене при чём тут...

Он не закончил. Сайа следила за его руками. Ей нравилось, что он хотя бы пробует делать что-то понятное, и одновременно хотелось отнять у него оба телефона: ещё несколько таких объяснений, и она начнёт спорить с ним вместо того, чтобы смотреть на цифры. Она взяла свой и открыла переписку. Последние сообщения стояли на прежних местах. Поле для нового было пустым. Сайа напечатала «У вас всё нормально?» и посмотрела на вопрос. Получалось, будто она

уже знает, что именно нужно проверить, а чужой ответ позволит ей успокоиться. Она стёрла несколько слов, набрала их снова и всё-таки отправила. Возле сообщения появился маленький значок ожидания.

Кассиан включил секундомер. Секунды побежали одна за другой, сотые слились в рябь. Они дождались полной минуты, потом второй. Телефон исправно считал, а в углу экрана сохранялось 07:45. Кассиан придвинулся к краю дивана, поставив ступни на пол. Одеяло скользнуло с колен. Теперь он держал экран так, чтобы Сайа видела цифры, и следил за ними вместе с ней.

– Значит, секунды он считает, – произнесла она.

– По крайней мере, эта часть работает.

– Очень утешительно.

Кассиан поднял на неё глаза.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Что всё нормально.

– Всё нормально.

Она фыркнула. Кассиан улыбнулся в ответ, и у глаз собрались мелкие складки, однако улыбка исчезла, едва он отвернулся к двери. Сайа увидела, как он прислушивается. Голову он повернул затем к окну, точно пытался поймать звук, который должен был возникнуть в одном из этих мест. Теперь тишину слышал и он. Свет падал сбоку; в карих глазах ещё держалось выражение, с которым он смотрел на неё секунду назад. Сайа ждала, что он заговорит, но Кассиан встал, оста-

вил телефон на диване и подошёл к шторам.

Ей захотелось попросить его подождать. Пока они сидели здесь, ещё можно было разбираться с часами, пробовать другое приложение, допускать какую-нибудь общую поломку. За шторами был двор; она знала его слишком хорошо, чтобы ошибиться, если там что-то изменилось. Кассиан раздвинул ткань и остановился. По его спине Сайа поняла, что придётся вставать.

На дороге стояла машина с вывернутыми колёсами, дальше – ещё две. Никто не собирался уезжать или сигналить. Женщина на тротуаре застыла посреди шага, с отведённой от бедра сумкой; свободная пола лёгкого пальто держалась в воздухе. Сайа смотрела на приподнятую пятку и ждала, когда та опустится. Кассиан уже проследил взглядом дорогу до самого поворота и теперь смотрел туда, где между домами виднелась следующая улица.

– Выше, – сказала Сайа. – Над машиной.

Птица висела с раскрытыми крыльями. Одно крыло было чуть поднято, голова повёрнута к земле, перья на хвосте разошлись. Сайа никогда раньше не могла так долго рассматривать летящую птицу. Отдельные тёмные перья различались совершенно ясно, и от этой ясности у неё по рукам прошёл холод.

– Она же должна падать.

Кассиан медленно кивнул. Он открыл окно и высунул ладонь наружу. Сайа ждала хотя бы ветерка, запаха прогрет-

шегося двора, отдалённого мотора. Штора чуть сдвинулась от его локтя и повисла. Во дворе оставались те же раскрытые крылья, та же женская нога, те же листья на ветке. Воздух касался кожи обычным летним теплом, и Сайа продолжала дышать, хотя теперь зачем-то проверяла каждый вдох.

Она подалась ближе. Подоконник упирался в живот, открытая створка теснила плечо. Кассиан смотрел наружу поверх её головы, и Сайа невольно встала на носки, хотя это ничем не помогало. Он отступил, освобождая ей место. Она успела наклониться и сразу отодвинулась обратно: от расстояния до асфальта перехватило дыхание. Внизу ничего не произошло. Сайа опустилась на всю ступню, досадуя на себя: сперва её пугала неподвижная птица, теперь – высота собственного окна.

– Дай телефон, – попросила она. – Я сниму.

Кассиан уже потянулся к карману, вспомнил, что оставил свой на диване, и принёс его. Сайа включила камеру. На экране двор сразу стал меньше и спокойнее. Было много солнца, виднелась женщина, тёмная птица над машиной выглядела случайно пойманной в кадр. Такую фотографию легко было пролистнуть, не заметив в ней ничего особенного. Сайа приблизила изображение и включила запись. Над крылом появился отсчёт. Десять секунд, пятнадцать; её руки слегка дрожали, отчего птица на экране сдвигалась относительно края.

Сайа опёрлась запястьями на подоконник. Кассиан сто-

ял рядом и наблюдал, не пытаясь забрать телефон. Его присутствие почему-то заставляло делать всё старательнее. Она следила, чтобы в записи были видны и птица, и неподвижная ветка за ней: хотелось исключить возможность, что камера просто приблизила что-то неподходящее. Числа над изображением продолжали меняться. Сайа поднесла свободную руку перед объективом, повела пальцами и отвела её. Теперь при просмотре можно будет увидеть разницу.

Они посмотрели запись сразу. Шорох её рукава, короткий вдох, увеличенная ладонь – всё воспроизвелось. Птица висела на прежнем месте до конца. Последний кадр остался на экране, и Сайа некоторое время не могла отвести от него глаз. Пока они смотрели запись, за окном продолжалось то же самое. Обычное разделение на то, что было, и то, что есть сейчас, вдруг перестало помогать: руку она уже убрала, а двор не успел отдалиться даже на один взмах крыла.

Кассиан провёл пальцем по краю телефона, принимая его обратно. Сайа ждала, что он предложит ещё что-нибудь снять, но он только сохранил запись и погасил экран. Ей стало легче от того, что опыт можно закончить, даже когда он ничего не объяснил. Она заметила, как сильно сжимала телефон: в ладони остался узкий след. Сайа разогнула пальцы и снова посмотрела наружу, уже поверх подоконника.

Двор был вытянут вдоль дома. Между входами в подъезды ещё оставалась узкая полоса земли, где трава росла редкими пучками, а ближе к выезду её вытеснили камни и слежавша-

яся пыль. Одно дерево наклонялось к окнам; на нижней ветке листья разворачивались светлой изнанкой наружу, словно их приподнял ветер. Под деревом стояла скамья с потемневшими торцами досок. Сайа помнила, как однажды прошла мимо после дождя и слишком поздно заметила воду под сиденьем: наступила в неё, промочила ботинок, рассердилась на себя. Сейчас сухая земля у той же ножки была покрыта мелкими тенями, каждая имела чёткий край.

Напротив поднимался другой дом. Его окна смотрели в их окна с той обыденной близостью, при которой люди учатся не задерживать взгляд. В одном стекле отражалось небо, в другом виднелась светлая штора с загнутым углом. У открытой форточки темнел цветочный горшок. Всё это Сайа знала настолько поверхностно, что обычно не считала знанием: можно было увидеть, по каким окнам солнце скользит раньше, но нельзя было сказать, кто там живёт. Теперь ей хотелось различить за каждым стеклом движение. Она смотрела на одну штору, затем на другую, и чувствовала, как выбор следующего окна делается всё торопливее.

– Там кто-нибудь есть? – спросила она, показывая на верхний ряд.

Кассиан наклонил голову. За тёмным стеклом соседствовали вертикаль рамы и что-то, похожее на плечо. Он попытался приглядеться, потом достал телефон и увеличил изображение через камеру. Сайа ждала возле его руки. На экране проступили светлые квадраты, отражение стены, неров-

ная тень. При приближении то, что казалось человеком, распалось на несколько пятен.

– Не разобрать, – сказал он.

Сайа отвернулась к улице. Ей хотелось позвать, но собственный голос через открытое окно представлялся слишком громким. Там могли сидеть люди, которые просто не подходили к стёклам, а она встанет здесь и закричит на весь двор. В ней оставалось это странное нежелание выглядеть нелепо, хотя птица уже несколько минут висела посреди воздуха. Кассиан, кажется, тоже собирался что-то сказать наружу, приоткрыл рот и остановился. Он посмотрел на неё, и Сайа первой отступила от окна.

Внизу тень фонаря пересекала длинную трещину в асфальте. Она заметила место, где светлая крошка выступала за тёмный край, и показала Кассиану. Он снова вывел на экран секундомер. Они простояли у окна ещё несколько минут. Сайе всё время казалось, что тень немного отодвинулась. Стоило приглядеться – край опять оказывался у того же выступа трещины. Она даже сменила положение, чтобы не заслонять себе нижнюю часть двора, и от этого сразу потеряла выбранную точку. Пришлось искать её заново. Кассиан ждал, не торопил; когда она нашла, только повернул к ней экран. Тень не давала надежды даже на ошибку зрения.

– Нужно выйти, – сказал он.

– Я знала, что ты это предложишь.

– А ты хочешь остаться здесь?

Сайа ещё раз посмотрела на птицу и отошла от окна. В комнате вдруг стало тесно. Путь до кресла, до шкафа, до двери не изменился, но каждое расстояние теперь мешало поскорее очутиться снаружи. Она запуталась ступнёй в спущившемся крае простыни, выдернула ногу и разозлилась на ткань. Кассиан молча поднял край со своей стороны прохода. Сайа не поблагодарила, лишь поморщилась, поняв, как это выглядело.

На кресле лежал её светлый хлопковый джемпер. Сайа собиралась надеть его и прежде, ещё вечером, когда выбор одежды на утро казался одной из мелочей, способных избавить от лишней спешки. Ткань была тонкой, чуть прохладной на внутренней стороне рукава. Она расправила джемпер на спинке кресла, рядом положила тёмные брюки. Всё, что утром не требовало размышлений, сейчас просило хотя бы маленького решения. Насколько тепло на улице? Далеко ли они пойдут? Почему вообще нужно выбирать одежду, если за окном неподвижная птица? Сайа остановилась на последнем вопросе и поняла, что держит обеими руками один рукав.

– Я сейчас, – сказала она.

Кассиан кивнул и повернулся к окну. Она забрала одежду в ванную, прикрыв за собой дверь. В маленьком помещении было сумрачно; свет доходил из прихожей через оставленную щель, ложился на край раковины и пропадал в глубине. Сайа коснулась стены плечом, чтобы сохранить равнове-

сие, переодеваясь. Холод плитки дошёл до кожи прежде, чем успела отойти. Одна штанина вывернулась, пришлось поднять колено выше, и на мгновение вся её тревога сосредоточилась на том, чтобы не стукнуться пяткой о раковину.

Она знала здесь движение каждой дверцы, умела повернуться в узком промежутке так, чтобы ничего не задеть. Сейчас это знание возвращало ей некоторую ловкость. Когда брюки наконец оказались на месте, Сайа расправила пояс, натянула джемпер и высвободила волосы из-под ворота. Они легли чуть ниже плеч, но сзади осталась зажатая прядь и неприятно потянула кожу, когда Сайа подняла руку. Пришлось завести пальцы под ткань и осторожно вытянуть её целиком.

К крану она протянулась по привычке и замерла над ручкой. В комнате молчали часы, во дворе стояла женщина. Здесь оставались раковина с маленьким налётом у слива, полотенце на крючке, несколько капель, высохших на краю ещё до этого утра. Ей захотелось вернуть себе право умыться, совершенно бездумно открыть воду и заняться только тем, чтобы она не попала в рукава. Но Сайа уже представляла, как вода не пойдёт, как придётся звать Кассиана и проверять ещё что-нибудь, и отступила. Подобрала одежду, оставленную возле двери, и вышла. Кран остался закрытым.

Кассиан стоял у кресла в тёмной футболке и синих джинсах, продевая руку в выцветшую графитовую рубашку. Не попал в манжету, встряхнул рукав и сердито дёрнул его вниз.

Сайа почувствовала короткую радость от того, что и у него вещи не слушались с первого раза. Она положила одежду на кровать и задержалась рядом. Пока Кассиан возился с рубашкой, ей был виден его профиль: чёткий угол челюсти под лёгкой щетиной, плотно сжатый рот. Он повернул голову, заметив её, и губы разом смягчились. У висков среди коротких тёмных волос светлела седина; здесь, вдали от окна, её уже нельзя было принять за солнечный блик.

Он расправил воротник, оставил рубашку незастёгнутой и стал закатывать рукава. С одним справился легко, другой всё время раскручивался. Сайа протянула руку, намереваясь поправить, потом остановилась: он и сам уже подхватил край. Кассиан отвёл локоть, предоставляя рукав ей. Под пальцами оказалось тёплое предплечье, упругое от усилия, с которым он держал согнутую руку. Сайа подвернула ткань и затянула складку теснее, чем хотела.

– Так кровь ещё может пройти? – спросил он.

Сайа ослабила складку. Он пошевелил кистью с преувеличенной осторожностью, будто проверял работу сложного устройства. Она улыбнулась. Это вышло так легко, что почти сразу захотелось перестать: ничего ведь не изменилось. Кассиан не стал развивать шутку. Он забрал телефон и посмотрел на экран, прежде чем убрать в карман.

До кухни было несколько шагов через прихожую. Сайа пошла вслед за ним и остановилась у двери. Здесь обычно легче всего было поверить в начало дня: свет падал на маленький

стол у окна, стулья стояли слишком близко друг к другу, на мойке оставалось что-нибудь с вечера. Стоило одному сесть, другому уже приходилось обходить его по короткой дуге, задевая спинку. Кассиан повернулся к столу и пропустил Сайу между собой и дверным косяком. Она прошла, сама не зная зачем.

Одна чашка сохла возле раковины вверх дном, другая осталась в комнате. Сайа подумала о чае. Хотелось обхватить ладонями тёплые стенки, сделать первый осторожный глоток, сесть хотя бы на несколько минут в обыкновенной позе. Мысль была настолько подробной, что сухость во рту усилилась. Кассиан тем временем искал воду. Посмотрел на стол, открыл нижнюю дверцу и закрыл, не найдя того, что ожидал увидеть.

– Рядом с холодильником, – сказала она.

Бутылка стояла на полу у стены. Он поднял её, проверил крышку и пошёл за рюкзаком. Сайа осталась у кухонного окна, из которого была видна лишь узкая часть улицы за углом дома. Здесь не было птицы. Если смотреть только отсюда, можно было принять остановленные машины за припаркованные, а отсутствие людей – за удачное совпадение. Она задержалась на этой возможности чуть дольше, чем следовало, и вернулась в комнату лишь тогда, когда услышала молнию рюкзака.

– Зачем воду? – спросила она, увидев бутылку в его руке, и сразу почувствовала нелепость вопроса.

Кассиан тоже замешкался, глядя на неё, словно вода требовала теперь отдельного обоснования.

– Пить, – наконец сказал он. – Если захочется.

Сайа кивнула. Ей хотелось объяснить, что она спросила про расстояние, про то, сколько они собираются провести снаружи, но вопрос прозвучал именно так. Кассиан убрал бутылку. Рюкзак оставался почти пустым и обмяк возле его ноги; сейчас они брали с собой меньше, чем для обычной долгой прогулки. Сайа оглядела комнату, ища глазами что-то ещё, что надо было захватить. Чистые вещи, одеяло, чашка, книга – всё подходило и всё было лишним. Она взяла только телефон.

В прихожей они помешали друг другу обуваться. Кассиан сперва присел на корточки перед зеркалом, потом понял, что занял весь проход, и передвинулся к двери. Сайа опустилась на край невысокой тумбы, вытянула к себе ботинок. Мягкая кожа успела принять форму ступни, у сгиба темнела знакомая складка; до этого утра ей ни разу не приходило в голову благодарить обувь за удобство. Теперь она с каким-то преувеличенным вниманием расправила носок, подвинула язык, поставила ногу на пол. Шнурок скользнул из пальцев. Пришлось связать заново.

Кассиан поднялся раньше и шагнул в сторону, освобождая зеркало. Сайа распрямилась перед ним. Под свободным джемпером её узкие плечи были почти незаметны; она отвела их назад, и в отражении обозначилась знакомая подтяну-

тая фигура. Каштановые волосы лежали неровными слоями: короткие пряди обрамляли лицо, длинные касались ткани ниже плеч. В падавшем из комнаты свете несколько прядей у виска отливали тёплым золотистым. Сайа пригладила их и наклонилась к стеклу. На щеке ещё держался розоватый след подушки, а в остальном лицо выглядело обычным, с тонкими, ясно очерченными чертами. Она попробовала улыбнуться себе. Один уголок губ поднялся чуть раньше другого; вышло знакомо, почти насмешливо, но светлые глаза оставались широко раскрытыми. Сайа подняла руку. Женщина в зеркале подняла руку одновременно с ней.

Она опустила ладонь и оглянулась, проверяя, видел ли это Кассиан. Он занимался лямкой рюкзака. Возможно, видел и решил промолчать; Сайа не стала выяснять. Провела ладонью по джемперу, разглаживая складку на боку, и наконец отступила от зеркала. Ни причёска, ни ткань не требовали больше ничего. Было приятно получить хоть в чём-то такой определённый ответ.

Свой ключ она нашла в кармане и сжала в ладони. Кассиан уже повернул дверную ручку, но Сайа попросила подождать. Вернулась на шаг, огляделась: из прихожей виднелись угол кровати, кресло, освещённый участок стены. Вещи оставались на своих местах. Она не знала, что именно проверяет; ей вдруг захотелось запомнить квартиру такой, чтобы, вернувшись, сразу понять, случилось ли здесь что-нибудь без них. Кассиан не закрывал дверь. Сайа вышла к нему и сама

повернула ключ в замке. Металл коротко щёлкнул, привычно отозвавшись в пальцах.

На лестнице было прохладнее. Сайа заметила это с удивлением: за порогом сохранялась вполне обыкновенная разница между нагретой комнатой и сумрачным подъездом. Нижняя часть стен была выкрашена темнее верхней, вдоль перил краска стёрлась от ладоней. На повороте лежал косой свет из окна между этажами. Он доходил до двух ступеней, и на третьей оставался лишь тонкий край. Обычно Сайа смотрела сюда только для того, чтобы поставить ногу мимо скола; сейчас увидела на обломанном углу светлую внутренность камня.

Кассиан спускался впереди, касаясь перил через шаг. Его тёмные ботинки глухо стучали по ступеням, подошва иногда поскрипывала на повороте. Сайа шла за ним с некоторым облегчением: наконец можно было заняться движением, которое не требовало нового объяснения. Она знала число поворотов, помнила, на какой площадке сильнее пахнет старой краской. Глядя на его плечи и спину, она на несколько секунд забыла об окне. Потом Кассиан остановился, и ей пришлось ухватиться за перила, чтобы не натолкнуться на него.

На площадке этажом ниже стоял сосед. Сайа узнавала его, но имени не помнила и даже не была уверена, что когда-нибудь его слышала. Мужчина придерживал ремень сумки, а правой рукой подносил к замку выбранный из связки ключ. Остальные висели на металлическом кольце. Метал-

лический кончик почти касался скважины. Лицо у него было усталое, слегка недовольное, как у человека, который вышел и тут же вспомнил о чём-то забытом.

Сайа сперва взглянула на сумку. Ремень врезался в складку одежды на плече, пряжка повернулась боком; всё выглядело временным, неудобным, требующим ближайшего движения. Обычно при встрече сосед чуть отступал от двери и позволял пройти. Сейчас места хватало, однако Сайа всё равно остановилась в ожидании этого маленького знака. Мужчина смотрел на замок. Его нижняя губа едва заметно была выдвинута вперёд, словно он готовился выдохнуть или пробормотать что-то себе под нос.

Кассиан спустился ближе, и Сайа схватила его за рукав.

– Пока не трогай.

– Я только посмотрю.

Он наклонился, поздоровался, помахал ладонью перед открытыми глазами соседа. Сайа ждала, что мужчина раздражённо отстранится, спросит, в чём дело, и она охотно позволила бы ему рассердиться на них обоих. Но взгляд оставался направленным на замок. Кассиан выпрямился.

– Зрачки тоже неподвижны.

– Не говори так, будто он вещь.

Он посмотрел на неё, потом снова на соседа и убрал руку в карман. Сайа знала, что сказала резче, чем следовало. Ей самой хотелось выяснить, тёплая ли у мужчины кожа, чувствует ли он их присутствие, но протянуть руку она не мог-

ла. Вблизи были видны щетина на щеке и маленькая складка у рта; таких подробностей у знакомого по двору человека она прежде не замечала. Мужчина стоял перед собственной дверью, и они зачем-то изучали его лицо, пока он не мог от-вернуться.

Сайа попыталась вспомнить последний их разговор. Кажется, он придержал входную дверь, она поблагодарила, потом каждый пошёл дальше. Могло быть и наоборот. В памяти сохранилось только то, как у двери приходится немного повернуться, пропуская другого человека, и как после этого снова смотришь перед собой. Ей захотелось вдруг узнать его имя, хотя сейчас оно ничем не помогло бы. Позвать по имени казалось совсем другим действием, чем ещё раз сказать незнакомое «здравствуйте».

– Вы нас слышите? – спросила она.

Голос получился тихим, почти виноватым. Кассиан смотрел на её руку, которой она по-прежнему держала его рукав. Сайа разжала пальцы. Мужчина не шелохнулся; тень от ключей лежала на двери так же чётко, как сами ключи висели перед ней. Сайа шагнула в сторону и посмотрела на него с другого угла. Теперь было видно расстояние между металлом и замком. Его оставалось совсем немного, меньше движения, на которое обычно обращают внимание.

Она подумала, что сосед, возможно, вообще не заметит этой задержки. Просто вставит ключ, повернёт, войдёт к себе. Мысль принесла облегчение, пока Сайа не поняла, что

они с Кассианом уже успели одеться, постоять у окна, выйти из квартиры. Для соседа могло пройти что угодно. От этого ей стало неудобно занимать место возле его двери. Она отступила на ступень и показала Кассиану, что можно идти.

Они обошли мужчину, ничего не коснувшись. Дальше лестница спускалась к входу. Здесь были почтовые ящики с чуть разными оттенками металла, листок объявления, приклеенный криво, потемневшая полоса у самого пола. Сайа обычно проходила мимо быстро, перехватывая ключ поудобнее или уже думая о дороге. Теперь на ящиках читались маленькие вмятины, возле сорванного объявления оставались белые клочки бумаги. Дом оказался подробнее, чем был ей нужен прежде.

Кассиан толкнул приоткрытую дверь подъезда. Петли скрипнули так громко, что Сайа вздрогнула и оглянулась на лестницу. Скрип затих, оставив после себя ту же тишину. Она вышла, переступив через неровный порог, и услышала гравий под собственной подошвой, шаг Кассиана, шорох лямки рюкзака. Окна дома смотрели на них, и оттуда никто не выглянул.

С земли двор был совсем другим. Птица оказалась выше, чем представлялось из комнаты; увидеть её можно было, лишь откинув голову. Ветка закрывала часть окон, и Сайа сначала не нашла своё. Пришлось отойти к краю дорожки и отсчитать знакомое расстояние от угла дома. Открытая створка выступала наружу над пустым участком двора. Она

вспомнила, как только что стояла там, и поспешно перевела взгляд на Кассиана: ему почему-то не нужно было проверять, видна ли квартира снизу.

Зато он замешкался у края тротуара. Прежде чем выйти из тени дома, посмотрел в обе стороны, хотя ближайшая машина оставалась перед ним и никуда не ехала. Сайа тоже остановилась. Ей был знаком этот короткий расчёт: расстояние до колеса, положение водителя, возможность сделать два быстрых шага. Сейчас в нём не хватало звука двигателя. Кассиан двинулся вперёд и протянул ей руку, но Сайа уже пошла сама, выбрав место поближе к стене. Они приблизились к машине так осторожно, будто она могла тронуться без всякого предупреждения. Ни одному не пришло в голову сойти на дорогу и пройти прямо перед бампером.

Дальше можно было двигаться вдоль дома. Узкая полоса между стеной и краем тротуара позволяла идти рядом только влоботорота, и Кассиан оказался чуть впереди. Сайа видела, как солнечный край ложится на его выцветшую рубашку. Прежде она едва замечала, как он проходит такие места: лёгкий разворот плеч, длинный шаг, и он уже ждал её у конца стены. Теперь его стройная фигура словно утратила привычную свободу. Он прижимал локти к бокам, ступал осторожно, задерживаясь перед каждым сужением. У окна Сайа принимала его неподвижность за спокойствие. Здесь ей пришлось замедлиться вслед за ним.

У скамьи Кассиан остановился и пропустил её вперёд.

Сайа хотела спросить, что случилось, затем поняла: ремень рюкзака перекрутился, ему надо было снять его с плеча. Самая обыкновенная задержка принесла странное облегчение. Пока он поправлял лямку, она поставила носок на сухую землю возле ножки скамьи и посмотрела на оставшийся след. Мелкая пыль легла поверх кожи ботинка. Сайа не стала стряхивать её и дождалась Кассиана, прежде чем отойти обратно к дороге.

Он смотрел на машину. В солнечном свете её кузов был покрыт мелкими следами, которых сверху не различить: пыль на ребре дверцы, светлая царапина, несколько сухих потёков возле колеса. Сайа заметила, что машинальное ожидание опасности никуда не делось. Прежде чем обойти её со стороны тротуара, она посмотрела на вывернутые колёса и на водителя. Из приоткрытого окна никто не спросил, куда они идут. Она сделала ещё шаг, уже сама приблизившись к задней дверце.

Та была открыта со стороны тротуара. Водитель повернул голову, ребёнок на заднем сиденье сжимал игрушку. Возле переднего сиденья, в нескольких сантиметрах от пола, висела пластиковая бутылка. Сайа присела у дверцы. Бутылка была наклонена горлышком вниз; она, должно быть, только что скатилась с сиденья. Под ней оставалась пустота, отчётливо видимая между прозрачным пластиком и ковриком.

У ребёнка был открыт рот. Можно было вообразить просьбу, жалобу, начатое слово, но Сайа не знала, что он

говорил. Игрушка лежала поперёк маленькой ладони; край рукава задрался, у локтя виднелась кожа. Всё это было так близко, что она поспешно отвела взгляд вниз, к бутылке, где хотя бы не приходилось встречаться с чужим лицом. На полу темнела направляющая сиденья. Между ней и прозрачной стенкой оставалось место, в котором ничто не могло скрыться и поддерживать пластик.

Сайа наклонилась ниже, едва не коснувшись волосами края дверцы. Кассиан придержал лямку рюкзака и встал сбоку, не заслоняя ей свет. Она видела бутылку насквозь: этикетка с обратной стороны читалась зеркально, возле горлышка застыли несколько капель. Если бы вода внизу дрогнула или пластик качнулся, Сайа, наверное, сразу отпрянула бы. Но бутылка сохраняла положение, и от этого хотелось приблизиться ещё.

Она сама не поняла, зачем протянула палец. Может быть, хотела убедиться, что бутылку ничто не поддерживает. Коснулась боковой стенки – и та ушла из-под руки.

Бутылка упала.

Пластиковый стук заставил Сайу отшатнуться. Кассиан резко подался к ней, потом тоже заглянул в салон. Бутылка качнулась на коврик и улеглась возле направляющей сиденья. Ребёнок держал игрушку в прежнем положении. Водитель не повернул головы.

Сайа осталась на корточках, зажав руку между коленями. Ничего не болело. Она посмотрела на палец, словно ожида-

ла увидеть там след, который объяснит случившееся, затем опять на бутылку. Маленькая вмятина в пластике, оставшаяся под её пальцем, была повернута к дверце. Только что она просила Кассиана ничего не трогать. Теперь вещь лежала иначе, и вернуть её на прежнее место значило бы снова подвесить в воздухе. Она не знала, сможет ли это сделать, и от одной мысли о попытке стало неприятно.

– Она упала от тебя, – тихо сказал Кассиан.

– Я почти не нажимала.

Он опустился рядом, не загораживая дверцу. Некоторое время они ждали, но вслед за бутылкой больше ничего не произошло. Сайа выпрямилась первой. От долгого сидения затекла нога; она перенесла вес на другую и ухватилась за собственное колено, стараясь не взяться за дверцу. Ей хотелось отойти от машины, и всё же она ещё раз наклонилась, проверяя, не попала ли бутылка ребёнку под ноги. До его обуви было далеко. Это была ничтожная подробность, единственная, в которой она сейчас могла убедиться.

Кассиан поднялся, всё ещё глядя в салон. Он чуть открыл рот, собираясь заговорить, но задержался, переводя взгляд с бутылки на детскую руку. Сайа отвернулась, не желая пока слышать вывод. Она помнила стук, короткий рывок вниз, обыкновенное качание бутылки на полу. Её палец почти не встретил сопротивления. При этом ребёнок всё ещё сидел с открытым ртом, и никто в машине не знал, что она только что сделала.

– Если так же... – начал Кассиан и взглянул на заднее сиденье.

Сайа резко повернулась к нему.

– Давай отойдём.

Он помедлил. Ей показалось, что он собирался возразить, но Кассиан лишь подхватил сползавшую лямку и вышел из узкого промежутка между дверцей и бордюром. Сайа последовала за ним. У машины всё ещё хватало места пройти, и всё же она старательно держала локти ближе к телу. Тёплая ткань джемпера касалась запястья там, где она сжала рукав, отходя от машины.

Они дошли до женщины с приподнятой пяткой. Отсюда было видно начало улыбки на её лице. Сайа посмотрела через дорогу в ту же сторону, надеясь разглядеть человека, которому улыбались, но там были остановленные машины и закрытые окна. Женщина могла улыбаться собственной мысли. Сайа уже приготовилась приписать ей встречу, и это показалось сейчас особенно ненужным. Она обошла сумку, висящую над тротуаром, и посмотрела туда, куда дальше вела дорога.

За выездом из двора начиналась улица с тесно стоящими домами. На первых этажах темнели витрины; выше шли жилые окна с разными занавесками. Ближайший угол давно требовал ремонта: у самого водостока штукатурка осыпалась, оставив неровное пятно, вокруг которого дождь вывел несколько полос. Летом эту стену нагревало солнце, и,

проходя близко, можно было почувствовать исходящее от неё тепло. Сайа обычно держалась противоположной стороны улицы, где утром оставалась тень. Сейчас ей хотелось идти по солнечной, потому что там было видно дальше.

Тень фонаря лежала у знакомой трещины. Кассиан показал ей секундомер: за время сборов, лестницы и задержки возле машины он успел отсчитать много минут. На часах телефона оставалось 07:45. Сайа посмотрела на свой экран. Сообщение по-прежнему ожидало отправки. Она закрыла переписку и убрала телефон, не решившись проверить ещё раз, сколько неподвижных цифр можно увидеть на одном маленьком стекле.

– Всё стоит, – произнесла она.

Кассиан медленно оглядел двор. До сих пор он находил занятие для рук, предлагал проверку, сравнивал показания. Теперь стоял посреди тротуара с телефоном и выглядел так, будто забыл, зачем достал его. Сайе стало немного легче от того, что он тоже растерялся. Ей больше не приходилось успевать за его попытками разобраться.

– А если мы спим? – спросила она.

– Я бы предпочёл проснуться.

– Я уже пробовала.

Он коротко усмехнулся, провёл ладонью по лицу. Сайа смотрела на это движение внимательнее, чем следовало. Рядом с неподвижной женщиной любое его действие казалось неожиданно значительным: вот он убрал телефон, поправил

лямку, переступил с ноги на ногу. Она сама могла сделать то же самое. Можно было идти, разговаривать, потратить ещё час; каким-то образом этот час существовал для них, пока двор держал одно положение.

Ей вспомнились обычные утренние мысли о том, что уже пора вставать, нельзя задерживаться, нужно что-нибудь успеть до выхода. Сейчас она не могла даже представить опоздание. Эта мысль принесла короткое, совершенно неуместное облегчение, за которое тут же стало стыдно перед женщиной на тротуаре. Сайа отвернулась к дороге. Где-то за домами оставались площадь, магазины, другие улицы. Они пока увидели один двор и несколько машин. Ей нужно было, чтобы этого оказалось недостаточно для окончательного вывода.

– Давай дойдём до центра, – сказала она. – А потом дальше. Может быть, там уже всё иначе.

Кассиан взглянул на неё и кивнул. Он пошёл было вперёд, но остановился, пропуская Сайу между машиной и краем тротуара. Они осторожно обошли женщину и двинулись по улице. Шаги обоих были слышны далеко, и Сайа невольно прислушивалась, надеясь уловить где-нибудь чужой голос.

Глава 2. Граница времени

Первые кварталы они прошли почти молча. Сайа пробовала придумать объяснение, но каждое успевало показаться нелепым раньше, чем она решалась произнести его вслух. Про общую поломку уже нельзя было говорить, глядя на птицу. Сон продолжался слишком последовательно и натирал пятку точно в том месте, где всегда тёр этот ботинок. Она шла впереди, обходила людей и время от времени оглядывалась на Кассиана. Его шаги были слышны, однако одного звука почему-то не хватало.

После третьего раза он сказал:

– Я здесь, Сайа.

Она кивнула и отвернулась. Скоро привычное беспокойство опять заставило её посмотреть назад. Кассиан поймал её взгляд. Угол рта дрогнул; он даже голову чуть наклонил, ожидая, что она скажет на этот раз.

– Я на улицу смотрю, – сказала она. – Она бывает и позади.

Он улыбнулся, но больше ничего не говорил. Через несколько шагов поравнялся с ней. Сайа притворилась, что не заметила этого маленького изменения, хотя идти сразу стало легче. Теперь она могла краем глаза видеть его руку и тёмную лямку рюкзака; поворачивать голову уже не требовалось.

Улица спускалась к центру полого, почти незаметно. Это

становилось ясно возле водосточных решёток: с одной стороны бордюр поднимался выше, с другой терялся под набившимся песком. Сайа знала здесь короткий путь вдоль двора, но свернула к широкой дороге. Сейчас ей хотелось видеть перед собой сразу несколько домов. В проходе, которым она обычно срезала угол, стояла женщина с детской коляской; за нею темнела арка, и невозможно было понять, много ли людей дальше. Кассиан заметил поворот и спросил, не лучше ли пройти двором. Сайа показала на коляску, ничего не объясняя. Он посмотрел вслед её руке и остался рядом.

По наружной стороне тротуара тянулись старые деревья. Их корни приподняли плиты; возле одного ствола из земли выступала толстая дуга, отполированная чужими подошвами. Сайа переступила её и вспомнила, что прежде обязательно касалась этого места ногой, торопясь и глядя в телефон. Сейчас телефон лежал в кармане и казался бесполезно тяжёлым. Она достала его, чтобы проверить сообщения, увидела неподвижное время и погасила экран раньше, чем успела прочесть старые уведомления. Кассиан смотрел на витрины. Его рубашка висела свободно, но под лямками натянулась на плечах; выцветшая ткань там была темнее. От этого он выглядел подготовленным к какой-то обыкновенной долгой прогулке. Сайа поймала себя на желании поверить его рюкзаку: вода внутри, застёгнутая молния, два свободных кармана – вещи, с которыми можно куда-нибудь дойти.

На главной улице у перекрёстка скопились машины. Мо-

тоциклист наклонился так сильно, что Сайа замедлила шаг, опасаясь оказаться рядом, когда он упадёт. Он остался на месте. Перед переходом замерли люди: мужчина, уткнувшийся в телефон, девушка с волосами у самого рта, мальчик, тянувший мать за рукав. Его пальцы собрали на ткани маленькие складки. Сайа невольно посмотрела, чем он заинтересовался на другой стороне улицы, потом вернулась взглядом к его лицу. Казалось, ещё мгновение – и он повернётся к матери, нетерпеливо повторит свою просьбу.

Кассиан остановился немного дальше, уступая место, которого никто не собирался занимать. Они и раньше обходили прохожих, но тут Сайа впервые заметила за ним эту привычку: он выбирал свободный промежуток, ждал, собирался извиниться. Сама она поймала себя на желании придержать волосы девушке, чтобы та могла убрать их с губ, и тут же спрятала руки в карманы.

– Всё время кажется, что сейчас пошевелиятся, – сказала она.

Кассиан посмотрел на мальчика. Сайа ждала ответа, но он лишь слегка пожал плечами и отвёл глаза. Постояв ещё немного, они пошли дальше.

За остановленной машиной он пропал из виду. Сайа задержалась у бордюра, пропуская Кассиана в промежуток между кузовами, а потом выбрала обход с другой стороны. Два шага, пёстрый отсвет в стекле – и впереди никого. Она ускорила, выглянула из-за капота; отсюда открывалась

другая часть перехода, заставленная автомобилями. Кассиан не мог уйти далеко. Сайа прекрасно это понимала и всё-таки позвала громче, чем собиралась.

Он отозвался сразу. Его голос пришёл справа, из-за высокого кузова. Сайа пошла на звук и увидела его у противоположного тротуара, одной ногой уже на бордюре. Кассиан обернулся всем телом, перенеся вес на оставленную внизу ногу. Глаза были широко раскрыты, рот приоткрыт; он смотрел вверх капота и ещё не замечал её. Сайа подняла ладонь. Только тогда он выдохнул и спустился обратно на дорогу.

– Я думал, ты за мной.

Сайа хотела ответить, что не обязана идти за ним, но он смотрел так внимательно, что она лишь показала на узкую щель между машинами. Рядом с его рубашкой теперь была видна вмятина на серебристой двери, чёрный край уплотнителя, чужой локоть за стеклом. Она неожиданно разозлилась на эти вещи за то, как легко они закрыли от неё единственного движущегося человека. Кассиан убрал телефон, который всё ещё держал в ладони. Остаток перехода они прошли вместе, выбирая достаточно широкий промежуток для обоих. У Сайи звенело в ушах от тишины. Когда под подошву попался песок и раздался короткий скрип, она испытала облегчение: хоть что-то могло возникнуть без того, чтобы она намеренно извлекала звук.

Возле кафе её остановил белый завиток за стеклом. Мужчина у окна держал чашку возле губ, и над кофе висел пар.

Сайа подошла вплотную к витрине. В струйке пара были видны тонкие разрывы, прозрачные места, где он уже почти рассеялся; за время, пока она смотрела, ни один разрыв не расширился. Рядом на столе стоял высокий стакан. Капля конденсата оставила короткую мокрую дорожку и остановилась посередине стеклянной стенки.

Сайа провела пальцем по холодной витрине. Снаружи всё было настоящим на ощупь, и за стеклом сидел обыкновенный мужчина в рубашке с закатанными рукавами. Он держал чашку ровно так, как держат её люди, которые ещё не вполне проснулись и ждут первого глотка. Сайа вдруг остро захотела услышать его голос. Пусть спросит, зачем она устала на него через окно.

Кассиан потянул дверь. Колокольчик над входом звякнул, и они оба вздрогнули. Он звенел ещё несколько секунд, с каждым качанием тише, пока Сайа стояла на пороге и смотрела вверх. Последний слабый звук исчез; колокольчик едва заметно пошевелился и успокоился. Кассиан поднял руку, коснулся его пальцем. Звон повторился.

– С дверью так же, как с бутылкой, – сказал он. – Толкаем, и дальше движется само.

– Только дверь ты всё-таки толкнул. А бутылку я едва задела.

– Да. Это я видел.

Он опустил руку. Сайа обошла его и вошла в кафе. Здесь пахло кофе и ванильной выпечкой. После улицы запах ока-

зался таким сильным, что захотелось закрыть глаза и остаться на секунду внутри этого обыкновенного утра: столы, чашки, тёплое тесто, кто-то заказывает ещё один кофе. Открыв глаза, она увидела официанта с блокнотом. Кончик карандаша был прижат к бумаге, рука ждала продолжения слова. Женщина у стойки держала раскрытый кошелёк. Никто не поднял головы на звон двери.

Кафе оказалось глубже, чем выглядело с улицы. За первыми столиками тянулся узкий проход, дальше пол делал небольшую ступеньку и поднимался к стойке. На ступеньке от множества ног протёрлась тёмная полоса. Сайа провела взглядом по ней и вдруг вспомнила, как однажды чуть не упала здесь с бумажным стаканом: тогда ступенька появилась раньше, чем она успела посмотреть под ноги. Сейчас вокруг неё хватало места, чтобы подойти с любой стороны, и всё же она подняла носок ботинка слишком высоко.

На стене висела доска с написанным мелом меню. Одно название стёрли недостаточно хорошо, и старые белёсые буквы просвечивали между новыми; внизу кто-то нарисовал чашку с кривой ручкой. Сайа задержалась на этом рисунке. Ручку поправляли дважды, оставив рядом с ней лишнюю дугу. Ей было легче смотреть на такую неудачу, чем на ровные ряды пирожных под стеклом: за ней угадывалась рука, которая могла рассердиться, стереть всё и начать сначала. Под доской на крючке висело полотенце с влажным тёмным углом. Она не стала его трогать.

У свободного столика одно кресло отодвинули далеко в проход. Кассиан повернулся боком, но ляпка рюкзака всё-таки зацепила спинку. Он остановился, высвободил её и, перехватив кресло за верхний край, осторожно сдвинул к столу. Под закатанным рукавом напряглась рука; деревянные ножки протяжно заскрипели. Кассиан втянул голову в плечи и посмотрел на пол, будто опасался оставить царапину. Сайе захотелось предложить ему сесть, раз уж кресло поддавалось, но сама она пока не решалась устроиться среди людей, которые даже не заметили их прихода. На спинке другого стула лежал свитер. Казалось, его хозяин ненадолго отошёл и сейчас вернётся с подносом.

Сайа подошла к столику у окна. Мужчина по-прежнему не дотянул чашку до губ. Теперь, вблизи, на фарфоре была видна тень от его пальца; пар касался верхнего края этой тени и уходил вверх тонкой неподвижной полоской. Она поднесла ладонь и почувствовала тепло.

– Может, если его тоже коснуться...

Она оставила фразу незаконченной. Кассиан посмотрел на руку мужчины, затем на неё. Сайа уже убрала ладонь.

За стеклом его очков были видны глаза, направленные чуть в сторону от чашки. Он смотрел мимо Сайи, на окно или на человека за её спиной, и близость чужого взгляда мешала рассматривать лицо. На подбородке темнела плохо сбритая полоска. Манжету рубашки завернули неровно, оставив на одном рукаве угол ткани. Сайа вдруг представи-

ла, как он замечает её руку возле своего кофе и отодвигает чашку. Она даже знала, что сказала бы: извините, мне показалось... Продолжение не находилось. Ничего похожего ей не могло показаться в обычное утро.

Она отступила настолько, чтобы видеть его целиком. Под столом одна ступня стояла на ребре подошвы; мужчина мог болтать ногой или только собирался изменить позу. На соседнем стуле лежала папка, сквозь прозрачный угол виднелся край бумаги. Кассиан тоже заметил её и отвёл взгляд. Теперь оба стояли возле столика, не зная, на что можно смотреть без чувства, что зашли слишком далеко. Сайа посмотрела на пар. Его хотя бы можно было разглядывать, не пытаюсь угадать, чего человек не успел от них скрыть.

– Я боюсь, что он уронит чашку, – сказала она. – Или что-нибудь хуже.

Кассиан кивнул и отступил, освобождая ей дорогу. Но прежде чем отойти, Сайа осторожно тронула край фарфора. Ей хотелось проверить только чашку, и движение вышло настолько маленьким, что она почти не почувствовала его пальцем. Поверхность кофе дрогнула. Пар развернулся у самого края, поплыл вверх, а мужчина продолжал держать руку как прежде. Сайа поспешно отняла палец. Маленькая волна добралась до противоположной стенки и исчезла; пар ещё немного двигался, потом снова повис – уже в другом положении.

Кассиан нагнулся к чашке, стараясь увидеть пар на фо-

не тёмной стены. Теперь его глаза оказались почти на уровне её края; он вытянул шею, чуть повернул голову, выбирая угол. Сайа почти рассердилась на эту тщательность. Ей было страшно прикасаться к чужому утру, а он, кажется, уже искал следующий опыт.

– Сейчас ты доберёшься до сахарницы, – сказала она.

Он сразу посмотрел на ближайший свободный столик, где лежали пакетики сахара, затем оглянулся на неё. Сайа сжала губы и запрокинула голову, удерживая готовое вырваться замечание. Кассиан задержался, однако всё же взял один пакетик, повертел и положил обратно.

– Я хочу понять, сможем ли мы хотя бы есть и пить. Мы же не можем только обходить всё стороной.

Это было разумно. Её раздражало, что разумность ничего не меняла в желании немедленно выйти из кафе. Сайа ещё раз взглянула на мужчину и отошла к свободному столу.

На пустой столешнице осталось мокрое кольцо от стакана. Кассиан поставил рядом рюкзак, но Сайа перехватила его за верхнюю петлю и опустила на пол: низ был в дорожной пыли. Он послушно отпустил. Она сама удивилась тому, как естественно сделала ему это замечание без слов. Стол нужно было оставить чистым, даже если никто не мог сейчас его занять.

Сайа села на край стула. Под джемпером взмокла спина, и она осторожно оттянула ткань от кожи; прохлада прошла вдоль позвоночника. Кассиан остался стоять, опираясь ла-

донью о спинку. Снизу было видно, как он втягивает щёку, разглядывая плотно склеенный край пакетика. Вся сосредоточенность теперь поместилась в этом маленьком движении рта. Сайа смотрела чуть дольше, чем требовалось, и, когда он повернулся к ней, поспешно опустила глаза на стол. Ей не хотелось объяснять, что внимание уже отвлеклось от сахара.

Она вытащила одну салфетку из пачки, расправила и положила перед ним. Тонкая бумага легко сминалась, цеплялась за сухой палец; самая простая вещь из всех, что здесь лежали. Кассиан придержал её краем блюдца, чтобы сахар не рассыпался по всему столу. Они приготовили себе небольшое свободное место. От этого Сайа впервые почувствовала, что может оставаться в кафе ещё немного.

– Ладно. Только отсюда.

Кассиан надорвал пакетик. Бумага сухо хрустнула, несколько крупинок упало на салфетку, две отскочили на край блюдца. Он высыпал ещё немного, с большей высоты. Сахар сыпался совершенно обычно. Сайа взяла второй, целый пакетик, подняла рядом с его рукой и отпустила. Тот шлёпнулся на стол.

– Этот тоже, – сообщила она.

– Если сообщить ему импульс...

– Я его отпустила, Кассиан. Ничего я ему не сообщала.

Она засмеялась раньше, чем договорила. Кассиан попытался возразить, но сам рассмеялся, запрокинув голову. Глаза у него почти закрылись, щёки поднялись, и Сайа засме-

ялась сильнее, увидев, как далеко он отступил от своей серьёзной фразы. Их голоса разошлись по маленькому кафе слишком громко. Она машинально оглянулась на посетителей, готовая встретить неодобрительный взгляд. Мужчина всё ещё держал чашку. Женщина у стойки не закрыла кошелек. Смех оборвался, и оба на несколько секунд замолчали. Потом Сайа согнула салфетку и ссыпала сахар в надорванный пакетик, насколько это было возможно, а Кассиан смахнул туда оставшиеся крупинки с края блюда. Пакетик она положила на смятую салфетку в углу стола, отдельно от целых. Они вышли; колокольчик прозвенел им вслед.

На остановке стоял автобус с открытыми дверями.

На его боку сохранилась длинная грязная полоса, прорезанная следами от моющей щётки. Над задним колесом краска немного отличалась по оттенку, словно кусок кузова недавно починили. Сайа вдруг заметила, что впервые видит этот автобус так близко снаружи. Обычно, подходя к остановке, она следила за номером над лобовым стеклом и прикидывала, успеет ли добежать. Теперь можно было прочесть мелкие буквы у двери, увидеть потёртую резину на ступеньке и красноватую пыль в стыке металла.

Кассиан показал на полоску над боковыми окнами: изнутри там крепилась схема маршрута. Последние остановки уходили в сторону низких домов. Он помнил, что этот автобус проходил через центр, но не мог сказать, куда сворачивал после площади. Сайа обычно тоже выходила рань-

ше. До схемы можно было добраться через открытую среднюю дверь, и они подошли ближе. Сначала это показалось ей почти обычным решением: войти, посмотреть, выбрать направление. Даже захотелось спросить у водителя, далеко ли до конечной. Женщина поставила ногу на ступеньку, а пассажир внутри готовился выйти, и между ними сохранился узкий проход. Сайа боком протиснулась в салон. Здесь неподвижных людей оказалось слишком много и слишком близко: плечи, локти, ладони на поручнях. В нескольких сантиметрах от её лица был поднят чужой телефон. Она машинально прочла начало сообщения и отвела глаза, но первые слова уже успели сложиться в обращение к человеку, которого она не знала.

Кассиан остановился за её спиной.

До схемы оставалось полтора шага. Она была приклеена высоко, у самого потолка; в середине прозрачная плёнка отошла пузырьём, и один из поворотов скрывался в блике. Сайа переместилась в проходе, стараясь не задеть плечо сидящего мужчины, но лучше видеть не стала. Перед ней пахло чужой тканью, пластиком поручня и чем-то сладким из раскрытого бумажного пакета. Она услышала свой короткий вдох слишком близко к чужому уху и замерла сама.

Кассиан мог разглядеть схему поверх её головы. Он поднял телефон, не включая камеру, и прикрыл экраном блик; маршрутная линия обозначилась яснее. За площадью она действительно уходила к окраине, а после последнего ряда

домов поворачивала вдоль них. К лесу линии не было. Сайа успела отметить это про себя, прежде чем опять увидела чужое сообщение в нескольких сантиметрах от лица. Она поняла, что читает одни и те же первые слова второй раз, и раздражённо отвела голову.

– Что там?

– Чужое сообщение. Я случайно.

Она спустилась обратно, на этот раз особенно осторожно обходя женщину на ступеньке. На улице стало легче дышать. Кассиан вышел следом и подождал, пока она отойдёт от дверей. Сайа не могла избавиться от нескольких прочитанных слов. Можно было вернуться и узнать продолжение; даже не пришлось бы брать телефон в руки. Никто в автобусе не отвёл бы экран.

– И никто не может сказать «нет», – произнесла она.

Кассиан проследил за её взглядом.

– Я в чужие телефоны не полезу.

– Дело не только в телефоне. Мы можем зайти куда угодно. И всё объяснить тем, что хотим разобраться.

Он помолчал. Сайа вспомнила чашку и сахар, и ей захотелось уточнить: она говорит и о себе тоже. Но Кассиан уже посмотрел на неё и коротко кивнул. К автобусу они не вернулись.

Кассиан ещё раз взглянул на линию маршрута сквозь окно. Отсюда она едва различалась, но направление он запомнил и показал рукой вдоль улицы. Сайа кивнула. Уходя, она

зацепилась взглядом за женщину на ступеньке: сумка давила ей на предплечье, другая рука уже тянулась к поручню. У неё оставалось полшага до удобного положения. Сайе захотелось хотя бы освободить проход перед ней, и она торопливо отошла от автобуса, хотя никто пока не собирался выходить.

Они пересекли небольшую площадку за остановкой. Здесь продавали цветы из открытого павильона. На нижней полке стоял пластиковый ящик с обрезанными стеблями; на полу возле него лежали мокрые листья. Сайа привыкла замечать в таких местах только цветные головки над вёдрами, а сейчас остановилась из-за стеблей: одни срезали наискосок, другие сломали и затем подровняли. За свежей витриной обнаруживалась работа, которой никто не успел закончить. Кассиан уже стоял у конца павильона, дожидаясь её. Сайа прошла мимо вёдер, стараясь не задеть плечом низко нависший букет.

На площади неподвижные люди стояли целыми группами. Двое, должно быть, встретились: один поднял руку, другой наклонился навстречу. Возле фонтана застыл ребёнок. На скамье лежала раскрытая сумка, и её хозяйка не успела ни достать что-то, ни убрать. Сайа отвела взгляд, заметив, что опять рассматривает чужие вещи. Отсюда расходилось несколько улиц; в каждой повторялась та же неподвижность. Кассиан показал на дорогу к окраине. Там дома понижались, между ними было видно больше неба.

Сайа не сразу двинулась за ним. Над входом в угловой ма-

газин висели часы, и от привычного круглого циферблата ей стало как-то легче, хотя стрелки сообщали то же самое. Она заметила тонкую секундную стрелку возле деления, посмотрела на неё, затем перевела взгляд на Кассиана. Он ждал у начала улицы, опираясь плечом о стену. Между ними прошёл бы целый автобус. Сайа подняла ладонь, показывая, что бы он пока оставался там, и снова посмотрела на часы. Ей хотелось поймать хотя бы дрожание стрелки, убедиться, что она старается пройти дальше.

Часы были старые; в нижней части стекла виднелся мутный полукруг, края металлической рамы покрылись мелкими тёмными пятнами. Прежде Сайа не стала бы доверять им, если бы торопилась. Теперь ей казалось несправедливым, что даже они согласились с её телефоном. Она отвернулась и пересекла площадь, стараясь смотреть на свободное место у плеча Кассиана. Подойдя, увидела, что он держит в руке телефон и тоже проверяет время. Они не стали спрашивать друг друга, изменилось ли что-нибудь. Кассиан оттолкнулся от стены, выпрямил смятую под лямкой ткань, и они пошли в выбранную улицу.

В начале каждой новой улицы Сайа прислушивалась, ждала хотя бы отдалённого шума, и каждый раз вместо него слышала их собственные шаги. Кассиан делал отметки в телефоне, сверялся с секундомером. Часы на фасадах показывали одно и то же время. Постепенно она перестала поднимать к ним глаза. От поворота к повороту надежда сохранялась

лишь благодаря тому, что следующего квартала ещё не было видно.

Дома понемногу менялись. В центре первые этажи почти целиком занимали широкие стёкла, выше окна теснились одно над другим, и человеку на тротуаре доставались чужие стены, витрины и узкие просветы переулков. Дальше между зданиями появились промежутки. В одном росла высокая трава, в другом стояли мусорные баки; за ними была видна обратная сторона дома с неровно остеклёнными балконами. Сайа посмотрела на два соседних: один аккуратно заставили одинаковыми ящиками, на другом сохла единственная наволочка, выгнутая вбок. Ей хотелось знать, как выглядели эти балконы вчера. Она, должно быть, проходила здесь и могла увидеть их, но теперь помнила только, что возле угла обычно приходилось обойти разломанную плитку.

Плитка нашлась. Край провалился, под ним темнела щель, а на середине лежала серая щепка. Сайа обошла её с привычной стороны и увидела, как Кассиан поставил ботинок прямо на оставшийся прочный угол. У него получился свободный длинный шаг; ей пришлось бы потянуться, чтобы повторить. За несколько кварталов он снова начал двигаться легче, расправил спину. Сайа попыталась поравняться с ним и ощутила, как натянуло кожу на пятке. Она сбавила шаг, сердясь на собственное желание угнаться.

Кассиан заметил, что она опять идёт позади, и остановился у закрытой мастерской. За пыльным стеклом висел

ряд ключей, ниже стояли ботинки с бумажными бирками. Сайа попыталась представить свой ботинок среди них, совсем неподвижный и уже никому не натирающий пятку. Она не стала говорить, что хочет присесть: у мастерской сесть было не на что. Сначала они дошли до низкого ограждения, отделявшего от тротуара небольшой пустой участок.

Ноги устали. Сайе казалось нелепым жаловаться на ботинок среди всего происходящего, и она просто остановилась у ограждения и села. Кассиан опустился рядом с таким длинным выдохом, что она посмотрела на него. Он вытянул ноги, откинулся, удерживая равновесие на узкой перекладине, и только после этого полез за водой. Достав бутылку, отвинтил крышку и протянул ей. Пока Сайа пила, он потёр лодыжку через носок.

– Вот и пригодилась, – сказал он.

Сайа вернула бутылку.

– Только не делай из моей жажды научное открытие.

– Поздно. Я уже собирался.

Он допил несколько глотков и убрал воду в рюкзак. Рядом с ними застыл велосипедист; переднее колесо было повернуто, и, если бы он поехал сейчас, им пришлось бы быстро убрать ноги. Сайа всё-таки подобрала ступни ближе к ограждению. Кассиан заметил и тоже отодвинулся. Они сидели, как сидят двое усталых людей у дороги, и молчали. Отдохнувшие ноги скоро позволили бы снова идти. У велосипедиста ничего не изменилось.

– А если мы здесь постареем? – спросила Сайа. – Вернёмся к ним уже другими, а они даже дня не потеряют.

– Если время вернётся, они, наверное...

– Иногда я очень хочу, чтобы ты говорил «когда», а не «если».

Кассиан замолчал. Она сама слышала, что просит заметить всего одно слово, и всё же ждала. Он посмотрел на неё, перестал теребить ремень рюкзака.

– Когда вернётся, – сказал он.

Сайа кивнула и опустила глаза. Утешения хватило ненадолго, но вставать стало немного легче. Она поправила язык ботинка, ослабила шнурок и пошла дальше, выбирая на тротуаре более ровные плиты.

Многоэтажные дома остались позади. Появились низкие заборы, частные дворы, пустые участки. В одном дворе мужчина держал садовый шланг. Струя выгнулась над землёй прозрачной дугой и рассыпалась на тысячи капель. Сайа остановилась у забора. Вода удерживала солнце так, как обычная вода удержать не успевала: в каждой капле виднелись светлый край и крошечная перевёрнутая полоска двора. Сайа наклонила голову, и полосы сместились вслед за её взглядом.

У основания забора росла крапива. Её верхние листья повернулись светлой стороной к улице, и Сайе пришлось выбрать место, где можно было подойти ближе, не задев их джемпером. Доски давно выгорели; возле щеколды со-

хранился плотный прямоугольник старой краски, закрытый прежде какой-то накладкой. Из щели между двумя досками двор было видно лучше, чем поверху. Там лежала свёрнутая садовая сетка, в ведре торчал деревянный черенок, а под одну ножку скамейки подложили кирпич. Вода летела мимо края клумбы, захватывая часть утоптанной дорожки. Человек, вероятно, переводил струю с одного куста на другой. Сайа могла лишь смотреть на этот переход, которому не хватило движения его запястья.

На шланге возле руки темнела неровная обмотка. Мужчина сжимал его ниже неё, большим пальцем немного приплюснув мягкую трубку. У Сайи неожиданно заныло собственное основание большого пальца, будто она тоже держала воду слишком долго. Она отвела глаза от кисти и опять стала искать крошечные изображения внутри капель. Двор дробился, переворачивался; кусок белой стены появлялся сразу в нескольких местах, а лицо человека оставалось за прозрачным изгибом и разглядеть его было трудно.

– Красиво, – сказала она и чуть наклонилась, выбирая место, откуда капли светились ярче.

Кассиан встал рядом. Некоторое время они рассматривали воду вдвоём.

– Я бы никогда этого не увидела, – тихо произнесла Сайа. – Можно ведь и фотографию снять, но это совсем...

Она не договорила. Кассиан достал телефон, однако Сайа уже отступила от забора. Слишком легко было задержаться

ещё на минуту, поискать другой угол, подойти к самой струе. Мужчина держал шланг, не имея возможности опустить руку, а она успела пожалеть, что такая красота обычно исчезает раньше, чем её заметят.

За последними домами дорога сузилась. Тротуар закончился, по обочинам потянулась трава, впереди открылось поле с тёмной полосой леса. Пространство принесло облегчение: можно было смотреть вдаль, не встречая неподвижных лиц. Сайа расправила плечи. Здесь тоже не было ветра, но она уже представляла, как они дойдут до первых деревьев и найдут под ними тень, посидят, а потом решат, куда идти дальше.

У последнего забора асфальт сменился плотной светлой землёй. Поверху её раскрошили колёса; вдоль края шла колея, в которой после дождя, должно быть, собиралась вода. Теперь она была сухой, с маленькими затвердевшими буграми. Кассиан выбрал ровную середину, Сайа пошла у травы, где меньше пыли поднималось от ботинок. Несколько семян висели возле распушившейся головки растения. Она могла бы долго рассматривать их, но лес впервые обещал место, в котором удастся забыть хотя бы о лицах. Сайа прошла мимо.

Отсюда город выглядел спокойным. Верхние этажи, крыши, светлые стены, ряд тёмных деревьев вдоль дороги – ни одного признака того, что там случилось. Окна на дальнем доме блестели одинаково, и нельзя было понять, есть ли за ними кто-нибудь. Сайа остановилась, повернувшись к до-

мам. Перед самым выходом ей хотелось уйти поскорее, а теперь она вдруг испытала нелепую тревогу: что, если город исчезнет, пока они идут к лесу? Кассиан стоял рядом, давая ей время оглядеться. Она не произнесла вопрос. Город оставался на месте, дорога к нему была видна, и пока этого должно было хватать.

Через некоторое время она снова посмотрела на лес. Он казался таким же далёким. Сайа прошла ещё немного, оглянулась на дома: те действительно остались позади. Под ногами менялись выбоины, попадались новые камни. Она выбрала впереди высокую крону с раздвоенной верхушкой и стала следить за ней, пока шла.

– Мы к нему вообще приближаемся? – наконец спросила она.

Кассиан поднял глаза от дороги. Они остановились. Он посмотрел на секундомер и назвал, сколько прошло с тех пор, как они покинули последние дома. Сайе показалось, что они шли ещё дольше.

– Может, отсюда расстояние больше, чем кажется, – сказал он.

Ей хотелось, чтобы так и было. Они выбрали выступавшую над лесом крону, Кассиан сделал снимок и убрал телефон. Прошли ещё десять минут. Сайа всё время смотрела вперёд и успела так хорошо запомнить тёмную линию, что могла бы нарисовать её с закрытыми глазами: раздвоенная верхушка, впадина справа, пологий подъём. Кассиан оста-

новился для второго снимка. Они склонились над экраном, сравнивая две фотографии. Лес почти не изменился.

Кассиан несколько раз увеличил снимок, затем вернул его к прежнему размеру. От движения пальцев кроны то приближались, то отступали, и Сайа раздражённо попросила ничего больше не менять. Он выбрал первый снимок, подержал перед нею, открыл второй. У одного нижний край захватил больше дороги, другой вышел чуть косым. Сравнение, на которое они рассчитывали, оказалось неудобным: нельзя было уверенно сказать, как именно держали телефон прежде. Кассиан поднял его перед собой на вытянутой руке, примеряясь повторить высоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.